

УДК 398.22(571.54)

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-222-227

**ПРАГМАТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРЕДАНИЯХ
И УСТНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ**© *Тихонова Елена Леонардовна*

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tipldk@yandex.ru

Рассматривается использование имен собственных в преданиях и устных рассказах русского населения Бурятии с точки зрения их семантики и прагматики. Спецификой фольклорной исторической прозы, к которой относятся предания и устные рассказы, является наличие в ней большого числа топонимов и антропонимов. Главным фактором, определяющим возникновение и использование в фольклорном тексте имен собственных, является прагматическая потребность в них. С прагматической точки зрения имена собственные играют важнейшую роль в исторической фольклорной прозе, привязывая события, о которых идет речь, к месту, к объекту (топонимы), и/или маркируя участников этих событий (антропонимы). В результате анализа делается вывод, что использование имен собственных в фольклорной исторической прозе имеет четкую прагматическую установку, а прагматический компонент имен собственных в преданиях и устных рассказах очень часто превалирует над когнитивным и даже семантическим компонентами.

Ключевые слова: прагматика; имя собственное; предание; устный рассказ; топоним; антропоним; денотат; апеллатив.

Любое имя — это результат деятельности людей, который во многом определяется духовным опытом народа, историческими условиями формирования этноса. А. Ф. Лосев в работе «Философии имени» пишет: «Имя — как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще — есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг также и всей жизни, не только философии. ...Именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир» [1]. Сегодня становится особенно актуальным исследование имени собственного не только на этимологическом и семантическом уровнях, но и на уровне прагматическом (осознание необходимости выбора того или иного имени собственного).

Имена собственные (онимы) давно привлекают внимание ученых различных областей знания: этнографов, историков, фольклористов, литературоведов, географов, языковедов (наверное, в первую очередь). В языкознании выделяется особый раздел — ономастика, занимающийся изучением имен собственных. К ним относятся личные имена, отчества, фамилии, прозвища людей, клички животных, названия населенных пунктов, гор, водоемов, небесных тел и др. Но по большому счету ономастика делится на два

больших раздела (имеющих свои подразделы) — это антропонимика и топонимика.

Антропонимы и топонимы, встречающиеся в речевых актах бытовых и деловых высказываниях, фольклоре, литературных произведениях, всегда несут определенную функциональную нагрузку, решают прагматическую, или коммуникативную, задачу. Общеизвестно, что прагматика занимается изучением значения в составе контекста/дискурса. Это положение является основополагающим для лингвистической коммуникации, что сближает прагматику и функциональный аспект лингвистики. Мы попытаемся рассмотреть функционально-прагматические свойства имен собственных (ИС) на примере фольклорной прозы (преданий и устных рассказов) русских старожилов Бурятии.

С точки зрения когнитивной семантики (теории семантических прототипов) все имена (и нарицательные, и собственные), по утверждению А. К. Киклевича, делятся на три категориальных уровня: 1) надбазовый; 2) базовый и 3) подбазовый. ИС представляют собой, как свидетельствует А. К. Киклевич, «названия категорий подбазового уровня, для которых характерна высокая степень спецификации объектов» [2, с. 268]. То есть функционально-прагматическая функция номинации/спецификации объектов, присущая и именам нарицательным, для имен собственных становится определяющей. На примере фольклорного топонима это положение можно проиллюстрировать следующим образом:

- 1) надбазовый уровень — *населенный пункт*;
- 2) базовый уровень — *село*;
- 3) подбазовый уровень — *Тарбагатай*.

Прагматика ИС определяется наличием у них денотата. Логично, что без денотата нет имени собственного, ибо только когда имя связано с денотатом, который известен участникам коммуникации, оно может осуществлять свою коммуникативно-прагматическую функцию. Если денотат неизвестен участникам коммуникации, имя собственное становится «пустым» звуком, не только не способным осуществлять коммуникацию, но и затрудняющим ее. В этом также заключается прагматическая суть ИС.

Прагматика фольклорного текста — это живой процесс воспроизведения, передачи и восприятия текста с учетом личности информанта и слушателя, а также с учетом социально-исторического контекста, в котором производится текст. С прагматической точки зрения ИС играют важнейшую роль в исторической фольклорной прозе, привязывая события, о которых идет речь, к месту, к объекту (топонимы), и/или маркируя участников этих событий (антропонимы).

В локальной фольклорной традиции русских старожилов Бурятии основной корпус исторической прозы связан с событиями заселения и освоения русскими Западного Забайкалья. Спецификой подобной прозы является наличие в ней большого числа топонимов и антропонимов. С какой целью они появляются в фольклорных текстах? Какие функции выполняют? Как воздействуют на исполнителей и слушателей? На эти вопросы помогает ответить прагматический аспект исследования ИС в фольклорном тексте.

А прагматический аспект любого языкового явления (в том числе и фольклорного) в качестве необходимого условия для исследования предполагает анализ ситуационного контекста: важнейшими факторами, организующими систему топонимических/антропонимических номинаций, являются исторические события, местные происшествия, хозяйственно-бытовая, культурно-эстетическая деятельность людей, а также ландшафтно-климатические особенности.

В большинстве преданий о русских первопоселенцах, содержащих в своей структуре ИС, присутствует топонимический мотив: имя или фамилия первопоселенца дают название населенному пункту. «Село Брянск называется потому, что впервые приехала сюда Брянская, вдова, женщина с детьми, ссыльная» (зап. от Ф. В. Брянской [год рождения не указан] в с. Брянск Кабанского района РБ в 1956 г.); «Шигаево село. Название произошло от носителей фамилии Шигаевых» (зап. от И. С. Алферова, 82 года, в с. Шигаево Кабанского района РБ в 1956 г.); «Ну вот, допустим, Колесово, я сама с Колесово уроженка. И там вот первый, значит, именно начал строиться по фамилии Колесов. И назвали эту деревню Колесово» (зап. от П. К. Исаевой, 1924 г.р. в с. Кабанск Кабанского района РБ в 1984 г.). Название населенные пункты получают, согласно преданиям, по имени или фамилии конкретных людей, вполне реальных (естественно, в рамках фольклорной традиции), социально детерминированных, возможно, действительно некогда основавших селения или являвшихся одними из их первых жителей. Прагматика ИС (топонимов) *Брянск*, *Шигаево*, *Колесово* заключается в указании на этническую принадлежность создавших топонимы людей, что рождает целый ассоциативный ряд: люди какой национальности основали село, на каком языке они говорили, какого они вероисповедания, какие соблюдали обычаи и совершали обряды и т. д. И здесь пришло время сказать, что основой прагматики преданий является вопрос доверия к рассказчику и веры в рассказываемое. Если этого доверия и этой веры нет — нет и предания как жанра фольклора. Поэтому одним из основополагающих жанровых признаков предания, его основной поэтической чертой и отправной точкой при исследовании его прагматики является установка на достоверность сообщаемого. А ИС эту достоверность усиливают.

Нельзя не отметить лексическое и грамматическое смещение, которое происходит в ИС в фольклорном тексте: антропоним *Брянская* — топоним *Брянск*; антропоним *Шигаев* — топоним *Шигаево*; антропоним *Колесов* — топоним *Колесово*. С лексической точки зрения смысловые акценты смещаются с антропонима на топоним: слушателям доносится информация о том, почему так называется село, а не кто такой, например, Шигаев. С грамматической точки зрения антропонимы приспосабливаются к системе номинаций населенных пунктов в русском языке (в нашем случае путем изменения флексий). Происходит прагматическая адаптация антропономина к топониминанту.

Однако остановимся на ИС *Брянская/Брянск* более подробно. В предании «История села Брянск» возникновение топонима *Брянск* объясняется следующим образом: «Село Брянск называется потому, что впервые прие-

хала сюда Брянская, вдова, женщина с детьми, ссыльная. Приехал ссыльный Бурлаков. Заспорили между собой, по чьёму имени назвать село. Брянская настойчиво требовала назвать село по ее фамилии, так как у ней было больше сыновей, чем у Бурлакова. Брянская добилась своего, и село стало называться Брянском» (зап. от Ф. В. Брянской, в с. Брянск Кабанского района РБ в 1956 г.).

Если же мы обратимся к Топонимическому словарю этнической Бурятии, то обнаружим такое объяснение топонима *Брянск*: «Название села упоминается в 70-х гг. XVII в. Основными поселенцами были, очевидно, казаки *Брянские*, из которых известен в исторических документах *Ивашко Брянский*» [3, с. 39]. Как видим, в предании набор референций отличается от референтов в лингвистическом толковании географического названия. Возможно, носители фольклорной традиции не знали каких-либо исторических данных, но прагматика ИС в топонимических преданиях заключается в желании, а порой и необходимости (не было других источников) объяснить название села себе и своим детям. Именно поэтому когнитивный компонент ИС в фольклорной прозе очень часто уходит на второй (а то и далее) план, уступая место прагматическому.

С точки зрения сюжета предание о названии села Брянск интересно присутствующим в нем мотивом спора двух ссыльных поселенцев о том, по чьей фамилии должно называться селение. Мотив спора является одним из древнейших в фольклоре разных народов, тем показательнее его присутствие в тексте, возникшем в позднюю эпоху и наполненном, казалось бы, конкретно-историческим содержанием. Показателен и критерий, по которому определялся победитель в споре, — количество сыновей. Наличие детей фольклорной традицией всегда расценивается как положительный момент (недаром, например, в сказках бездетные родители любыми способами пытаются обзавестись детьми). Ведь сыновья — это, с одной стороны, будущие продолжатели рода, а с другой — будущие работники, которым предстояло жить и работать на этой земле. В предании расставляются жизненные приоритеты народа, являющиеся показателями народного самосознания. Таким образом, очевидно, что подлинное ИС *Брянская*, включаясь в структуру устойчивых фольклорных мотивов, имеет прагматическую установку на объяснение возникновения топонима *Брянск*.

Использование ИС в преданиях русских старожилов Бурятии определяется таким фактором, как прагматическая потребность в ИС (это общее положение для всех ИС). Прагматическая потребность в ИС (топонимах) конкретного локуса (названиях селений, близлежащих сельскохозяйственных угодий, водоемов, сопок и падей и т. д., которыми изобилуют тексты преданий) заключается в том, что эти ИС одновременно и 1) система координат на местности, система ориентиров в пространстве, и 2) регламентаторы земельных отношений (а земельные отношения — основа взаимоотношений в сельской общине, их упорядоченность влияла на мирное сосуществование членов общины): «(А какие у вас есть местные названия? — соб.). *Да тут навалом: Петряковский ключ, Фёдоровский ключ.* (Но почему так назвали? — соб.). *Но, фамилия Петряковы тоже есть, Петряковски. Кто-то*

первый основатель. Пахать начал, раскорчевывать, и поэтому, видимо, назвали. Петряковски фамилия. Петряковы, значит, там, раскорчевывали — Петряковский ключ (Иванова падь почему так называется? — соб.). Ну. Потому что там корчевали Ивановы. По этой стороне пахали и по той. Ивановы первые раскорчевывали. Там была поляночка, раскорчевали, распахали и стали... Давно уже. Теперь есть специальный Казазаевский сивер. Тоже их раскулачили, сослали. Они раскорчевали, и ихний поляна... фамилия Казазаевы. Они сеяли там, может, сорок-пятьдесят лет, но и назвали» (зап. от А. И. Иванова, 1918 г. р. в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.).

Прагматическая потребность в ИС в данных примерах реализуется через ориентационную и принадлежностную функции самих топонимов. Местные жители опираются на ИС как на неписанный закон, регламентировавший в прошлом земельные отношения между сельчанами. Принадлежностная функция и функция регламентации земельных отношений чаще всего характерны для топонимов посессивного типа, ранее закреплявших право пользования тем или иным земельным участком за конкретной семьей: *Петряковский ключ, Фёдоровский ключ, Иванова падь, Казазаевский сивер*. С прагматической точки зрения эти и подобные им ИС (топонимы) отражают в языке установленный в жизни земледельца, землепользователя миропорядок (так называемая владельческая принадлежность). Вместе с этим ИС в приведенных примерах имеют ярко выраженный национальный компонент (это справедливо для всех ИС).

Как мы уже отмечали, главным фактором, определяющим возникновение и использование в тексте ИС, является прагматическая потребность. Если члены общины, носители фольклорной традиции испытывают потребность в какой-либо номинации, она имеет основания быть принятой и в жизни людей, и в фольклорных текстах. Но случается и наоборот. Как пример приведем устный рассказ жительницы села Тарбагатай Ефимовой Устины Вавиловны: *«Шариха, как мы называем, или эта... Верхний Жирим (А почему Шариха? — соб.). А его так называют сконавеку, Шариха и Шариха. ...особенно как тучи заходят, может быть, ветер или чё. ...Я и думаю, что какой-то там шорох был»* (зап. от У. В. Ефимовой, 1936 г. р., в с. Тарбагатай Тарбагатайского района РБ в 1998 г.).

В данном случае в речевой практике русского населения Бурятии произошла замена (на бытовом уровне) официального иноязычного топонима *Верхний Жирим* (Тарбагатайский район РБ) народным, образованным по законам народной этимологии, то есть для носителей языка более прагматически объяснимым — *Шариха*. Происхождение топонима *Шариха*, согласно народной этимологии, возводится к созвучному слову *шорох*, то есть апеллируя понятен и, следовательно, топоним мотивирован. Поэтому в бытовом обиходе жителей Тарбагатайского района топоним *Шариха* практически вытеснил официальное наполовину иноязычное название села — *Верхний Жирим*. Произошло это в связи с тем, что русские информанты никак не смогли объяснить значение денотата имени собственного *Жирим*. Соответственно, непонятно, какой категориальный уровень (надбазовый или базовый)

вый) занимает денотат имени собственного *Жирим*, к тому же это имя не вошло в языковую картину мира русских поселенцев, и топоним *Верхний Жирим* был заменен более мотивированным топонимом *Шариха*. Необходимо отметить, что топоним *Шариха* (не зафиксированный в Топонимическом словаре этнической Бурятии) сам подвергся фольклорному переосмыслению, поскольку вряд ли действительно возводим к апеллятиву *шорох*. Таким образом, прагматика ИС взяла верх над семантикой.

Итак, исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод, что использование имен собственных в фольклорной исторической прозе имеет четкую прагматическую установку, а прагматический компонент ИС очень часто превалирует над когнитивным и даже семантическим компонентами.

Литература

1. Лосев А. Ф. *Философия имени* [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/losev-aleksey-fedorovich/book/72798-filosofiya-imeni> (дата обращения: 10.06.2017).
2. Киклевич А. К. *Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом*. Харьков: Гуманитарный центр, 2014.
3. *Топонимический словарь этнической Бурятии* / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007.

PRAGMATICS OF PROPER NAMES IN LEGENDS AND ORAL STORIES OF RUSSIAN OLD RESIDENTS OF BURYATIA

Elena L. Tikhonova

Cand. Sci. (Philol.), A/Prof., Senior Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS,
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the use of proper names in legends and oral stories of Russians of Buryatia from the point of view of their semantics and pragmatics. The specificity of folklore historical prose consist in the presence of a large number of toponyms and anthroponyms. The main factor determining the emergence and use of proper names in the folklore text is the pragmatic need for them. From a pragmatic point of view, proper names play a crucial role in historical folklore prose, attaching the events to the place, object (toponyms), and/or marking the participants in these events (anthroponyms). As a result of the analysis we have concluded that the use of proper names in folklore historical prose has a clear pragmatic attitude, and the pragmatic component of proper names in legends and oral stories very often prevails over cognitive and even semantic components.

Keywords: pragmatics; proper name; tradition; oral story; toponym; anthroponym; denotation; appellative.